

Глава 22. Чаша вина, не то пьян, не то трезв

Фонари на ветру качались, свет и тени плясали.

Ши Уло стоял у стойки. Свет от масла из семян белой периллы, пробиваясь сквозь тонкую ткань, отбрасывал на его лицо тени от бамбуковых рёбер фонаря. До этого он стоял в переулке, сливаясь с темнотой в своём иссиня-чёрном одеянии, и наблюдал за ним сквозь толпу спящих туда-сюда людей.

— Будешь ещё смотреть — придётся платить.

Голос Цю Бодэна, как всегда, звучал лениво, и было трудно понять, шутит он или злится.

Ши Уло молчал мгновение.

Цю Бодэн ожидал, что тот, как и в прошлые разы, поспешно опустит ресницы или отведёт взгляд. Но вместо этого Ши Уло протянул ему руку. Цю Бодэн удивлённо хмыкнул и увидел, как на ладони, привыкшей сжимать рукоять клинка, лежат несколько водяных жемчужин, излучающих лунный свет.

— Водяной души с горы У хватит? — спросил Ши Уло.

Он и вправду принял это всерьёз.

Значит, он молчал, потому что думал, чем заплатить? И в итоге нашёл водяную душу с горы У?

«Записи о диковинах» гласят: «К югу от горы У берёт начало река Боли, что течёт на юг и впадает в море. В ней водятся нефритовые рыбы, а безусловно чистые жемчужины зовутся водяными душами». Одна такая жемчужина в Павильоне Гор и Морей стоила не меньше десяти тысяч лянов золота, и их всегда было не достать. Если не ошибаюсь, старейшина Цзюнь вечно жаловался, что глава школы слишком скуп, и он, «копив сто лет, так и не смог купить себе ни одной водяной души».

«Старейшина Цзюнь, узнав об этом, наверное, захочет убиться об стену», — со странным выражением подумал Цю Бодэн.

— Хватит?

Ши Уло смотрел на него.

— Хватит, — Цю Бодэн сдержался, но всё же не смог удержать улыбку. — Смотри.

Он без церемоний сгрёб все жемчужины и принялся подбрасывать их, словно это были обычные шарики, а не бесценные сокровища.

Издали, смешиваясь с музыкой, доносились обрывки праздничной песни жителей Фу: «...даруют тебе чистое благословение... глубока наша радость...».

Тени от фонарей плясали в глазах Ши Уло, и в них, казалось, тоже промелькнула едва заметная улыбка. Словно, увидев радость Цю Бодэна, даже этот тонкий лёд и безмятежный снег в его взгляде окрасились теплом.

— Пойдём, угощу тебя вином.

Цю Бодэн, подбросив все водяные души разом, вдруг принял решение.

Молодой мужчина и юноша вместе ушли. Вскоре на это место пришла А Жэнь в своём тёмно-синем жреческом облачении. Она остановилась у пустой стойки с фонарями, огляделась, но не нашла того, кого искала.

— Только что ведь был здесь.

А Жэнь посмотрела на стену, у которой только что стоял Цю Бодэн, и её изящные брови слегка нахмурились. Став городской жрицей, она за одну ночь лишилась всей детской непосредственности. Кроме того, что она от имени города Фу поднесла вино бессмертным, она ещё и следила за праздником, за потоками людей, и прекрасно справлялась с организацией этого шумного торжества.

— А Жэнь, да брось ты! — подвыпивший господин Лю, похлопывая себя по пивному животу, подошёл к ней. — Не ищи его! Бессмертный Цю — не та птица, которую ты, дочка, можешь поймать!

— Да что ты такое говоришь? — А Жэнь не знала, смеяться ей или плакать. — Я не влюблена в него.

— Не влюблена, а чего тогда на него всё время смотришь? — пробормотал господин Лю. — Отец хоть и пьян, но не слеп...

Не договорив, господин Лю с глухим стуком рухнул на землю. А Жэнь испуганно подскочила, присела и увидела, что он просто уснул.

А Жэнь покачала головой и подняла отца на ноги.

— Дочка, брось ты...

— Я правда не влюблена в него, — беспомощно сказала А Жэнь. Уводя отца, она обернулась и посмотрела на то место, где только что был Цю Бодэн. — Мне просто показалось, что он не очень счастлив...

Сначала А Жэнь ничего не заметила.

Потому что юноша в красном выглядел таким ярким и дерзким, таким беззаботным, словно ему всё нипочём. Когда старики читали ему нотации, он вертел головой, ища путь к отступлению, и слушал их с таким видом, что нельзя было не улыбнуться. Но потом она случайно увидела, как Цю Бодэн, прислонившись к стене, молча смотрел на толпу... словно его отделяла от всего этого шума и веселья невидимая стеклянная стена.

Почему?

Он ведь выглядел как истинный наследник, рождённый в роскоши, как золотая ветвь и нефритовый лист.

А Жэнь вдруг захотелось подойти и сказать ему что-нибудь, дать ему понять, что город Фу, этот город, очень любит его.

Чтобы он не грустил.

К сожалению, потом несколько пьяниц перепились, и А Жэнь пришлось оттаскивать их от божественного дерева Фу, чтобы они не обнимали его, утирая слёзы. А ну как ещё и сопли вытрут?

Когда она вернулась, Цю Бодэна уже не было.

«Надеюсь, кто-нибудь составит ему компанию», — молча помолилась А Жэнь божественному дереву.

Серая птица на божественном дереве Фу нетерпеливо хлопала крыльями, всем своим видом выказывая крайнее раздражение.

— Брат-птица, не сердись! Мы не нарочно!

Крикнул Цю Бодэн, пока они с Ши Уло проворно перескакивали с ветки на ветку в кроне дерева, спасаясь бегством.

Серая птица гневно кричала им вслед:

— Гу! Гу! Гу!

Что звучало очень похоже на «Вон! Вон! Вон!».

И в этом не было ничего удивительного, что смиренная серая птица так разозлилась. Она с таким трудом заново свила гнездо, наконец-то нашла время, чтобы побыть с женой, как вдруг посреди ночи на вершину дерева залезли два психа, чтобы подышать холодным воздухом... Птицы, обретшие разум, тоже имеют право на стыд и совесть!

— А ты выбрал отличное место.

Цю Бодэн, усевшись на другой ветке, искренне похвалил Ши Уло.

Ши Уло молча подошёл. Его бледное лицо всё ещё выглядело холодным и острым, но предательски покрасневшие уши выдавали его с головой.

Ранее Цю Бодэн сказал: «Пойдём, выпьем», и они действительно долго бродили в поисках места. Дело в том, что обычный человек вряд ли будет таким привередливым, как Цю Бодэн. Он уже не требовал, чтобы вино было непременно «небесной росой», но место должно было быть идеальным: с чистым ветром, ясной луной, без пылинки, и главное — чтобы самому молодому господину Цю оно пришлось по душе. А как это определить — зависело исключительно от его субъективного восприятия.

Поискав, Цю Бодэн не нашёл ничего подходящего и в итоге переложил эту проблему на Ши Уло. Ши Уло и привёл его на вершину божественного дерева Фу.

И вот, разгневанная серая птица взмахом крыльев подняла такой ветер, что их обоих осыпало перьями и листьями.

— Ладно.

Цю Бодэн откупорил бочонок, и аромат чистого вина, сваренного из сорго, проса и риса на воде из реки Цзянь, вырвался наружу.

В городе Фу протекала река Цзянь, с северо-запада на юго-восток. В ней водилась серебряная рыба, любившая гоняться за опавшими листьями. Жители Фу брали воду из этой реки для виноделия, и вино получалось чистым и прозрачным. Цю Бодэн, приподняв рукав, налил вино. Холодная струя, словно лунный луч, упала в чашу. Ши Уло, стоя рядом, смотрел на браслет с драконом Куй на его запястье и вспоминал вопрос, на который был лишь один правильный ответ.

Ши Уло не был уверен, что ответ, который он придумал за эти дни, был верным.

Но Цю Бодэн, казалось, уже забыл о том дне и не собирался возвращаться к этому разговору. Ши Уло колебался, не зная, как начать.

Цю Бодэн протянул ему полную чашу, и Ши Уло принял её.

— Раньше я думал, что оно ничего не понимает.

Цю Бодэн не стал наливать себе. Он покачивал бочонок, слушая, как плещется вино, и, глядя за пределы города, вдруг начал говорить ни с того ни с сего.

Они выбрали ветку на южной стороне кроны. Она была не так высока, как та, где свила гнездо серая птица, но была очень длинной и простиралась почти до самой городской стены. Сидя здесь, можно было видеть близкие миазмы за городом. Свет серебряного дерева Фу, не такой заметный в городе, здесь становился ярче. Он тянулся вдоль городских стен, защищая от мириадом злых духов.

— Позже я понял, что оно всё понимает.

Он осознал это, когда очнулся и его с головой засыпало серебряными листьями дерева Фу.

Божественное дерево было всего лишь деревом, но оно знало, кто его спас.

Все эти дни, стоило ему, Цзо Юэшэну, Лу Цзину или Лоу Цзяну выйти на улицу, как один-два серебряных листа, кружась, тихо опускались им на плечи. Лу Цзин иногда, бормоча «опять этот лист на плечо упал», с довольным видом прятал его, говоря, что это доказательство его неотразимости, перед которой не могут устоять даже листья.

Если оно понимает, что такое добро и благодарность, почему же оно не понимает, что такое зло и жадность?

— Глупое.

Сказав это, Цю Бодэн усмехнулся. Кому он всё это говорит? Кто его поймёт? Он уже хотел сменить тему, но Ши Уло вдруг заговорил.

— Может быть, оно всё понимало. Просто хотело спасти этот город.

Ши Уло медленно произнёс, глядя на Цю Бодэна.

Оно знало, что, исчерпав жизненные силы, умрёт. Знало, что жители города — лишь приманка, чтобы убить его. Знало, что кто-то ждёт, чтобы забрать его истинный дух после гибели.

Но оно хотело спасти этот город, спасти сто тысяч людей, которые поклонялись ему и верили в него.

Цю Бодэн помолчал.

— Тогда ещё глупее.

Тихо сказал он.

Яркая луна поднялась из-за облаков, зависнув в небе, где было всего тридцать шесть звёзд. В зрачках Цю Бодэна отразился далёкий силуэт загадочного зайца. Ши Уло смотрел на него и не заметил, как в его чашу упал серебряный лист. Он выпил вино вместе с ним.

Цю Бодэн, очнувшись от мыслей, увидел, как тот, не меняя выражения лица, держит во рту лист дерева фу, не зная, выплюнуть его или проглотить. Он не выдержал и расхохотался.

Все эти дни с Цю Бодэном то и дело случались подобные вещи, он уже почти привык.

Смеясь, Цю Бодэн бросил Ши Уло письмо владыки Павильона Гор и Морей.

Ши Уло отставил чашу. Поймав письмо, он взмахнул рукавом, и лист, который он держал во рту, исчез. Цю Бодэн не разглядел, что он сделал, и с любопытством уставился на его рукав, гадая, проглотил он лист или выплюнул.

Ши Уло развернул письмо.

Владыка Павильона Гор и Морей, видимо, в редком приступе отцовской нежности, в конце письма расхвалил своего непутёвого сына, написав что-то вроде «хоть сын мой и глуп, но сердцем чист, в странствиях и путешествиях он будет добрым спутником» и так далее, намекая на то, что он надеется на дружбу Цю Бодэна с Цзо Юэшэном.

Ши Уло дочитал письмо, и его взгляд остановился на последних строчках.

— Ну что? — с ноткой злорадства в голосе спросил Цю Бодэн. — Поможешь в драке?

Можно было представить, как разъярятся Сто кланов, узнав, что их грандиозный южный поход в устах Цю Бодэна превратился в обычную «драку».

— Нет нужды, — сказал Ши Уло.

Цю Бодэн вскинул бровь, догадываясь, что тот, скорее всего, знает истинную причину похода Ста кланов.

Все эти дни Цзо Юэшэн и Лу Цзин, от нечего делать, строили догадки. Цзо Юэшэн был уверен, что это потому, что племя колдунов готовится официально выйти из Южных земель — до этого Ши Уло был единственным великим шаманом, странствовавшим по Двенадцати континентам.

— Кстати.

Цю Бодэн вдруг вспомнил, как Цзо Юэшэн рассказывал, что Сто кланов однажды даже решились перекрыть реку Сы, чтобы убить Ши Уло, и затопили всё на тысячи ли вокруг. Они думали, что он наверняка погиб, и устроили пир в честь этого. Но в разгар веселья Ши Уло, один с мечом, явился на их пир. Все, кто участвовал в перекрытии реки, были убиты в ту ночь, выжил лишь хозяин пира, Бэй Чжуцин.

— Почему ты тогда не убил того старика Бэй Чжу?

С любопытством спросил Цю Бодэн.

Он не думал, что Ши Уло пощадил его из-за могущества клана Бэйчжу.

— Бэйчжу...?

Ши Уло медленно, с некоторым сомнением, переспросил.

— Потомок бога Тайинь, Бэй Чжуцин. Тот, кто отвечал за открытие шлюзов, когда перекрывали реку Сы, — напомнил Цю Бодэн. — Почему ты его одного пощадил? — хотя тот, на самом деле, умер от страха.

Ши Уло помолчал, словно вспоминая.

— У него было хорошее вино.

Тихо сказал он, пристально глядя на Цю Бодэна.

Цю Бодэн вдруг почувствовал, что с ним что-то не так. Он посмотрел на него в ответ и заметил, что хотя тот сидел прямо и на лице не было и следа опьянения, его серебристо-серые глаза были более растерянными, чем обычно. Он даже не отвёл взгляд после долгого зрительного контакта.

— Пьян?

С сомнением спросил Цю Бодэн.

Ши Уло не ответил. Он просто смотрел на него, а потом вдруг наклонился и вытащил из его волос деревянную шпильку. Как только шпилька была извлечена, тёмные, как смоль, волосы водопадом рассыпались по плечам.

— ...

Цю Бодэн был слегка ошеломлён.

Серьёзно? Тот, кто щадит врага из-за хорошего вина, пьянеет с одной чаши?

— Растрепались, — медленно произнёс Ши Уло. — Не двигайся.

— Ладно. Но предупреждаю, — Цю Бодэн провёл пальцем по краю бочонка, — если ты просто буянишь по пьяни — это одно. Но если притворяешься пьяным — пощады не жди.

<http://bllate.org/book/16967/1585687>